

Клин

Упоминание об этом древнем городе содержится еще в Суздальской летописи, датированной 1234 годом. Уже тогда он назывался Клином, но почему именно – никто не знает и поныне. Оттого много домыслов и предположений.

Так, мне рассказывали местные жители, что название это, как и название Пешки, связано с именем Екатерины Второй. Будто бы, во время своего путешествия на юг России, императрица, при выходе из кареты, неосторожно зацепилась за что-то острое своим платьем и порвала его таким небольшим клинышком. Никто не знает, на каком именно месте произошел разрыв платья, но даже если и на самом незаметном, то все равно это не осталось незамеченным и народная молва нарекла город Клином. И хотя очевидно, что Екатерина к названию города никакого отношения не имеет, все же легенда эта выросла не на пустом месте. Видимо, когда-то давно, может быть в самые древние времена, когда еще и государства русского не было, а в лесах здешних жили лешие и ведьмы, на этом месте стояло славянское поселение. И, быть может, какая-нибудь знатная красавица с длинной светлой косой, скорее всего дочь местного князя, играя со своими подружками, зацепилась за что-нибудь своим красивым одеянием и нечаянно порвала его. Причем, клинышком. Она рассмеялась от такой неожиданной напасти, и все вокруг рассмеялись, и даже сам суровый князь, поначалу рассердившийся, тоже стал смеяться себе в бороду, и потому долго об этом необычном случае говорили, так долго, что остался этот эпизод в народной памяти. И потом, по прошествии многих веков, он уже соотносился с какой-нибудь другой особой, ассоциировался уже с другими персонажами, с которыми была связана история города Клина. Так дошел древний эпизод до времен Екатерины Великой и, уже оказавшись связанным с нею, добрался до нас.

С Клином, так или иначе, связаны многие знаменитые люди России: композиторы П.И.Чайковский и В.И.Танеев, художник

А.М.Васнецов, писатель Андрей Белый, ботаник К.А.Тимирязев, где-то тут, в уезде, простым агрономом работал М.М.Пришвин. Все – неординарные! Например, живший здесь неподалеку Д.И.Менделеев, прознав, что грядет в этих краях солнечное затмение, подсказал местным мужичкам пару-тройку химических элементов, и те, покумекав для виду, надули ему шар, привязали корзину, и он, поднявшись ввысь, наблюдал за солнцем уже не как все, а свысока...

Славился Клин также своими производствами, среди которых особо крупными были чугунолитейный завод Чепеля и стекольный завод, принадлежавший в свое время фабрикантам Орловым. Старая часть города, где некогда находился почтовый двор и где останавливались и переменили лошадей наши путешественники, находится справа от трассы. Здесь почти в неизменном виде сохранились старинные торговые ряды – крепкие из красного кирпича традиционные постройки, образующие квадрат.

Как и в старые времена, здесь идет торговля, и добрая половина торговых рядов занята винными и пивными лавками. Клинское пиво славится особенно и, наряду с Чайковским, является предметом гордости горожан. Но если великим композитором клинчане в основном только гордятся, то пиво свое они еще и пьют. Позади торговых рядов находится небольшой сквер с памятниками двум ильичам: Петру и Владимиру. Причем, Владимир, хоть и слышет любителем музыки, к Петру стоит спиной, с полным к нему безразличием. А вот Петр Ильич... Своей восточной частью торговые ряды выходят на площадь, некогда самый центр жизни города.

«Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь...» – услышал здесь Радищев песню, которую напевал «слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримо, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благовением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели возвращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутри глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид воспринял важности. О! природа, – возопил я паки...»

Неизвестно отчего, может из жалости к потомкам, коим в школьные программы может попасть оное произведение, но Солнце

русской поэзии после прочтения этих строк *«остался без зыбления внутрь глубокого»*. Александр Сергеевич, кажется, даже разозлился:

«Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если Радищев... поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии».

Отчего же так рассердился Пушкин?

Не будем вторгаться в споры великих. Поедем дальше по старой части города. Проезжая по одной из улиц, неожиданно увидел мемориальную табличку на одном из домов. На ней начертано:

Аркадий Петрович Гайдар
жил в Клину в 1938-1941 гг.
Детский писатель. Написал
«Чук и Гек», «Тимур и его команда»,
«Дым в лесу» и др.

Могла ли не остановить меня такая находка?

Я зашел во двор двухэтажного здания в надежде побывать в музее писателя, но, оказывается, здесь находится вовсе не музей, а призывной пункт. Поднявшись на второй этаж, я оказался в «Учебном классе призывника», стены которого были увешаны плакатами, схемами оружия и разными таблицами. Из соседней комнаты мне на встречу вышел начальник этого призывного пункта – опрятный офицер, лет сорока пяти, с хорошей русской речью и довольно утонченными для военного человека манерами.

Я представился и сказал, что обязан своим внезапным визитом лишь недоразумению. Однако Валентин Михайлович, так звали офицера, сначала объяснил, где находится музей знаменитого писателя, а затем любезно пригласил меня в свой кабинет. Вообще, с первых минут разговора, клинский офицер существенно поколебал мои представления о служащих призывных пунктов, сформированные более двадцати лет назад в военкоматах Свердловска, откуда я призывался на срочную службу.

В маленькой комнате на стене висел портрет Ленина: наверное, для того чтобы входящим были очевидны политические пристрастия офицера. Когда я присел, то увидел за его спиной небольшой плакат, призывавший на прошедших президентских выборах голосовать за лидера коммунистов. Письменный стол, несколько стульев, телефон. Валентин Михайлович был не прочь поговорить о проблемах призыва в армию, и это было бы кстати, учитывая, что Радищев и по его следам Пушкин обсуждают эту тему в Городне, до которой полчаса езды.

Несмотря на свои политические пристрастия, в отношении армии Валентин Михайлович придерживался позиции сугубо реформаторской, считая, что армия в России должна быть профессиональной, и ему, как офицеру, работающему с призывниками, это очевидно больше, чем кому-либо.

– Посмотрите, – с горечью говорил офицер, – в каком состоянии находится наша армия. У нас много кадровых дивизий и полков, которые находятся в плане обороноспособности на таком уровне, что... напоминают пепел на ладони. Вот американская армия вьетнамскую кампанию проиграла, но буквально через десять лет это была уже другая армия. И операцию «Буря в пустыне» против Ирака они уже вели как штабную игру. Вот это уже профессионалы! У них на реформу ушло десять лет, и сейчас служить в армии там стремятся даже девочки. А я веду набор и знаю, что в семнадцать лет все мальчишки настроены против того, чтобы служить. Средства массовой информации, телевидение настроили население против армии. В свое время считали, что, если парень не прошел армию, значит, он дефектный. Это было просто позорно. А сейчас все стараются, не люблю это слово, «отмазаться» от армии. И родители в этом помогают.

По словам Валентина Михайловича, в армию идут сейчас в основном сельские ребята, желающие как-то вырваться из деревни или пытающиеся таким образом самоутвердиться. Городских призывается мало. Одни стараются увильнуть через какую-нибудь болезнь, другие – через ОВИР. Бывает, ищут призывника, а он уже давно в Канаде или в США. И военкоматы ничего не могут с ним сделать. А из самой армии часто бегут из-за неуставных отношений.

– Что такое сегодня «неуставные отношения»? – задается вопросом и сам же на него отвечает Валентин Михайлович. – Это издевательства, побои, унижения, доведение молодых солдат до скотского состояния. И так везде. Вон сколько случаев, когда солдаты не выдерживают надругательств и берут в руки оружие. Даже из Кремля, из президентского полка, солдаты бегут! Вот он сбежит из армии, придет домой, отлежится и приходит сюда в военкомат. Мы заставляем его писать объяснительные. Читаешь – и за голову берешься. Там в ротах нет ни старшин, ни командиров взводов, ни командиров рот... Они предоставлены сами себе, и распорядок там устанавливают сами. Сейчас на службу призывают бывших уголовников, которые из армии делают подобие зоны, со своими правилами и законами. Просто садизм. Но ведь начинается этот садизм еще здесь, на гражданке. Посмотрите, что творится в наших профтехучилищах. И все это автоматически переносится в армию.

Я спросил у Валентина Михайловича, не может ли командир посадить кого-то за «дедовщину»? Ведь это было когда-то действительно: несколько человек посадят – и в полку пару лет более-менее тихо.

– Сейчас не так, – отвечает Валентин Михайлович. – Законы не работают не только на гражданке, но и в армии. Скажем, сбегает солдат и бегаёт полгода, а то и больше. Мы его ловим, доставляем в часть, и его тут же увольняют, чтобы не было хлопот. А ведь ему положен срок. Или вот, курьез. Сбегают солдаты из частей на Дальнем Востоке, как-то добираются на перекладных сюда, домой. Мы их ловим, даем в часть телеграмму, а нам оттуда сообщают: *«Если можно – доставьте нам беглеца, потому что нет денег выслать за ним офицера или прапорщика»*. Вот как бывает сегодня! Билет до Владивостока сколько стоит? В общем, никто сейчас не хочет связываться с подобными ситуациями, и до суда дело не доходит.

– Как ведут себя родители? – спросил я. – Ведь все напуганы войной в Чечне. Кому охота свое дитя отдавать на верную гибель?

– Это вам надо приехать, когда идет призыв. Тут и слезы, и крики, и истерики... Мы ведь не знаем, куда попадут наши ребята. На областной пункт привозим, вроде была одна команда, а там все меняется. Этой весной формировали Северокавказский военный округ.

Многие наши мальчишки прошли и через Чечню. Сейчас, слава Богу, их оттуда выводят.

Несколько удивленный несоответствием между тем, что говорит Валентин Михайлович, и коммунистической атрибутикой его кабинета, я поинтересовался, как он относится к нынешней власти, и, честно говоря, не сомневался, что сейчас Валентин Михайлович на этой власти отыграется. Речь же пошла совсем о другом.

– Меня волнует больше всего российский генофонд. Послушайте язык молодых ребят! Сейчас они говорят на языке, которого еще несколько лет назад не было. Это даже языком трудно назвать. Членораздельная речь у них отсутствует вовсе, и, чтобы их понять, нужен специальный переводчик. Вот, посмотрите. Сейчас восемьдесят процентов ребят-призывников нигде не работают. Они просто болтаются сами по себе. Потом начинают заниматься извозом, какими-то ларьками, крутятся вокруг киосков, рынков... Чем-то серьезным, профессиональным никто из них не занимается. Учиться какой-либо профессии они не хотят, не видят смысла. А мы ведь знаем – Советский Союз, СНГ или Америка, – чтобы жить, кормить семью – надо работать, надо хоть что-то уметь. Если мужчина выбрал профессию, скажем, токаря, то к сорока годам это профессионал. Также и классный водитель, и комбайнер, и тракторист... На профессионалах зиждется становой хребет любой страны, и России тоже. А сейчас идет какое-то размывание самого понятия о профессии... Посмотрите! – продолжал Валентин Михайлович. – У нас сейчас в Клину стоят многие заводы. Термоприбор – стоит. Станкозавод – стоит. Химволокно – кое-как кувыркается. Стеклозавод – то же самое... Что толку учиться в профтехучилищах при этих заводах или идти в какой-нибудь техникум, если завод стоит и никаких денег там не зарабатываешь? Ребята туда не идут, и их можно понять. И вот, пока до армии какое-то время остается, они носятся по этим палаткам, охраняют их или сами становятся рэкетирами. Потом, если не сядут в тюрьму, идут в армию. А отслужат, придут домой – и опять вопрос: куда идти? на что жить? как создавать семью? С жильем проблема, с устройством проблема, с учебой тоже... Смотришь, стоит здоровый русский парень и торгует на рынке колготками или сникерсами... Или гоняет автомобили из Белоруссии,

или еще чем-то подобным занимается... Я их спрашиваю: *«Когда же будете всерьез работать?»* А они в ответ только ухмыляются... Можно ругать сколько угодно и Советский Союз, и коммунистическую систему, – Валентин Михайлович кивнул на портрет Ленина, – но, согласитесь, физик был физиком, математик – математиком, а токарь – токарем... Тут идеология ни при чем. Может быть, обществоведы были непрофессиональны из-за своей идеологизации, но плотник – он всегда, при любой системе, плотник! А сейчас? Кто из них борется за профессию? Вот что нас должно беспокоить. Ведь пройдет двадцать лет, и мы с вами станем людьми преклонного возраста, а будущие сорокалетние мужчины, те, которые должны будут составить опору страны и общества, – кем они будут? Они сейчас привыкли к легким, дармовым и, чего греха таить, к преступным деньгам, причем безнаказанно. В сорок – у них будут семьи, а значит – им нужны будут деньги, чтобы их кормить. Но они ничего не умеют, кроме как «добывать» деньги сомнительным способом... Вот о чем я больше всего думаю: кем они будут? Среди кого будут жить наши дети?.. Вот вы, – обращался Валентин Михайлович с вопросом уже ко мне, – объясните: в стране, где идет какая-то реформа, что, как не молодые и сильные руки, в цене? Ведь сама реформа – дело людей молодых. Ну, оказались не нужными старики, не понимают, не принимают, нет сил, нет воли, не хватает задора... Но молодые-то. Почему без них?..

А что я могу ответить Валентину Михайловичу, если и сам задаю себе такие вопросы?

Впрочем, почему «без них»? Обратите внимание, сколь много у нас здоровых и сильных молодых людей ходит в защитной форме по улицам городов. Ходят ночью, ходят днем. Уверенно, вразвалочку, с радиотелефонами. Из них формируются подразделения, роты, полки. Им платят жалование, вооружают, учат стрелять, бить, колоть... Вот их руки нужны, они востребованы. Человек с ружьем вновь в цене, вновь в героях дня. Не такие ли могут в один момент зажать рот обществу, а затем и растоптать сапогом его лицо?

А ведь клинский офицер прав: с кем и где придется доживать нам, сорокалетним? В каком обществе будут жить наши дети? Кого потом винить? Опять Ленина со Сталиным? С этими тяжелыми

вопросами я попрощался с Валентином Михайловичем и направился к музею А.П.Гайдара. Он ведь в четырнадцать лет полком командовал!..

Музей Аркадия Гайдара, находящийся на одноименной улице, по случаю вторника оказался закрыт. Зато на все четыре стороны развернулся другой музей – имени его внука. Может, самый большой «музей» в мире. И, думаю, не скоро закроется.

Главный раздел экспозиции – городской рынок. Здесь есть все: мясо, колбасы, сосиски, сыры, макаронны, одежда, обувь, носки, джинсы, варежки, куртки, куры, сигареты, цветы, кофе, вино, водка... Что еще? Рыба, овощи, масло, колготки, кефир, сметана, молоко... Что еще? Булки, печенье, конфеты, цветы, сало, лук, чеснок, саженцы... Все в куче, вперемешку, рядом. И над всем этим непрерывно звучит песня: *«Мама, я русского люблю...»*

Вокруг и внутри этого странного «музея» копошится огромное количество возбужденного народа: стоят, ходят, курят, крутятся, что-то обсуждают, словом, заняты делом. Одни товар привозят, другие стоят и продают, третьи охраняют этот товар от четвертых... В супермаркете всем этим занимаются пара-тройка продавцов, здесь же включены в процесс сотни и тысячи трудоспособного населения. А по стране – миллионы! Рядом с базаром – магазины: *«Молоко»*, *«Кондитерские изделия»*, *«Хлеб»*, *«Вино»*, *«Воды»*, *«Домовая кухня»*, а для полноты счастья вечером этого же дня в кинотеатре *«Мир»* будет концерт популярного в народе комика. Улица, на которой всё это происходит, носит имя Юрия Гагарина. На почте на дверях реклама: *«Российский Луна-парк. В парке – карусели, качели, надувные батуты, пещера ужасов, мотошоу по вертикальной стене, комната смеха, призовые аттракционы, детская железная дорога... Все эти развлечения – ежедневно»*. Много ли человеку надо?

Здесь же находится еще один музей, уже настоящий – краеведческий. Он тоже закрыт по случаю вторника, но в музее этом я уже был год тому назад и вот о чем сейчас вспомнил. Во время Великой Отечественной войны Клин находился в оккупации. И хотя эта оккупация была непродолжительной – меньше месяца, – война оставила здесь свой страшный след: Клин был основательно разрушен,

а многие его жители погибли, защищая город. И вот, в краеведческом музее, я увидел, с какой тщательностью, трепетом и любовью его сотрудники хранят память о каждом воине, оберегают фотографии и вообще все предметы, связанные с погибшими солдатами. Маленькая и совсем седая старушка – хранительница этой памяти – называла погибших солдат святыми. Она говорила, что мы живем благодаря воинам, отдавшим за нас жизни, а сами не бережем о них память, и жаловалась на то, что у музея, расположенного на первом этаже жилого дома, хотят отобрать и уже отбирают помещение. И я видел, что многие экспонаты были уложены в коробки: «до лучших времен». Но настанут ли они? Тогда-то старушка и сказала мне о том, что, мол, Радищев увидел тут одного слепого, но доброго, а сейчас – все слепые и злые. И некуда пожаловаться.

Каково сейчас в этом музее? Увы, узнать не удалось.

На почте я приобрел две газеты: свежий номер солнечногорской «Сенеж» и клинскую «Серп и Молот» за октябрь. Между прочим, вторая исправно выходит еще с 1918 года. Солнечногорская газета, к моему удивлению, сообщает о путешествии на яхте «Апостол Андрей» некоего Александра Павлова. В подзаголовке сообщается:

«В нашем сознании прочно утвердилась вдолбленная со школьных лет книга первого российского революционера Александра Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву”. Озабоченный поиском язв и пороков, он как-то совершенно оставил в стороне простую и очевидную истину: всякое путешествие – это прежде всего увлекательнейшее и интереснейшее занятие».

Чуть выше крупным шрифтом напечатано любопытное поздравление:

«Правление Солнечногорского городского общества инвалидов поздравляет всех членов своего общества с Международным днем инвалидов.

Уважаемые инвалиды, мы понимаем, что вы переживаете трудный период в своей жизни. Со своей стороны, мы хотим заверить вас, что ваши беды и боль мы воспринимаем как свои собственные. Только за этот год наше общество оказало материальную помощь малоимущим инвалидам на сумму 8 млн. рублей. Мы ощущаем

постоянную поддержку и заботу администрации нашего района. Желаем вам крепкого здоровья и счастья в личной жизни».

Кроме этого поздравления, инвалидам района посвящена вся вторая полоса газеты. Ну а нам, чтобы по достоинству оценить «поддержку и заботу» властей, надо разделить 8 миллионов рублей на количество малоимущих инвалидов в почти стотысячном городе. Даже если таковых всего сто человек, то в месяц каждому оказано «помощи» аж на 6 тысяч 600 рублей! А вот газета «Серп и Молот» почти полностью посвящена Дню учителя. На первой полосе, как это и положено, поздравления ответственных лиц и уважаемых организаций:

«Ваш нелегкий, неустанный, но такой необходимый труд по воспитанию подрастающего поколения вызывает уважение и признание всех клинчан», – поздравляет учителей глава района.

Здесь же – поздравление местного «Комитета социальной помощи населению»:

«...В структуре комитета работает немало талантливых педагогов, педагогов-организаторов, воспитателей, мастеров производственного обучения. Коллективы центра детства “Жемчужинка”, социального приюта “Гнездышко”, реабилитационного центра для ослабленных ребятшек “Радуга”, центра для несовершеннолетних “Радость”, центра трудовой реабилитации подростков “Надежда”, летних оздоровительных центров “Родник” и “Костер” отдают все свои знания, опыт, мастерство формированию духовного мира детей и подростков, оздоровлению окружающей их микросреды, социализации подрастающего поколения в обществе».

Этот же Комитет в небольшом объявлении, напечатанном сразу же под поздравлением главы Клинского района, *«приглашает малоимущие семьи с детьми, сдавшие справки о доходах, в муниципальный магазин для приобретения продуктов питания по льготной цене».*

На первой полосе, под поздравлением учителям и объявлением Комитета социальной помощи населению, напечатана «Криминальная хроника». В ней сообщается о злостных кражах в районе. Так, 24 сентября с поля Акционерного общества закрытого типа «Дружба» (поселок Решоткино) клинчанка, 1940 года рождения, похитила 12 кг

картофеля на сумму 36 тысяч рублей, а с поля Товарищества с ограниченной ответственностью «Клинское» (деревня Фроловское) в этот же день жительница Солнечногорского района похитила 20 кг моркови на сумму 40 тысяч рублей, – и им, сообщается в комментарии, еще повезло, потому что 21 сентября один высококовский бомж до того увлекся сбором урожая картошки с плантаций Общества с ограниченной ответственностью «Масюгинское», что случайно попал под работающий трактор и погиб. Есть в криминальной хронике и другие происшествия, но мы ограничимся упоминанием этих и оставим древний город Клин, хотя было бы очень интересно посмотреть на то, как происходит «социализация подрастающего поколения» в обществе с ограниченной ответственностью.

